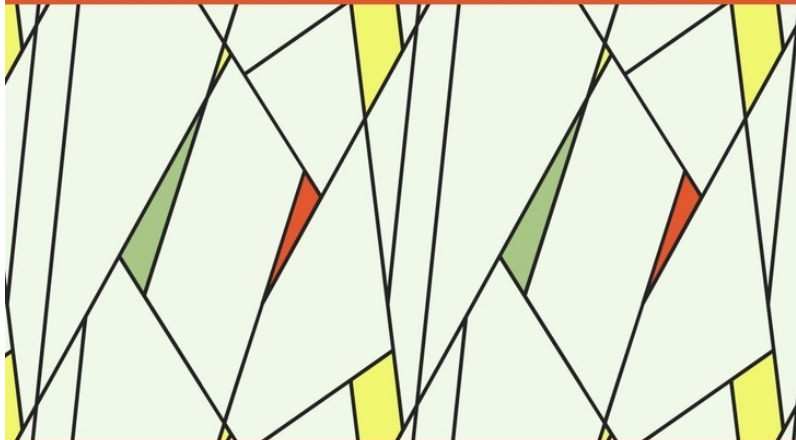

Екатерина Берлова

**В НАШЕМ ДОМЕ
ЖИЛ ЩЕГОЛ**

Екатерина Берлова

В нашем доме жил щегол

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34712666

ISBN 9785449301604

Аннотация

Автор предлагает свои наблюдения за уходом родителей и пытается понять свое отношение к неизбежному, посмотреть на горькую ситуацию со стороны, с пониманием и где-то даже с юмором. Это история принятия, в которой автор учится отпускать родных людей, в финале приходя к выводу, что необходимый для этого урок был заранее преподнесен родителями много лет назад.

Содержание

В нашем доме жил щегол	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

В нашем доме жил щегол

Екатерина Берлова

© Екатерина Берлова, 2024

ISBN 978-5-4493-0160-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В нашем доме жил щегол

– Я по половинке сигареты, – оправдывается папа и скорее уходит на балкон.

Там он подолгу курит, замерев и глядя вдаль, думая о чем-то своем. Кажется, эти минуты ему нужны только для того, чтобы посмотреть в эту невидимую неизвестность.

– Понимаешь, я смерти-то не боюсь, я просто не знаю, что меня ждет между ней и сегодняшним днем, – вдруг произносит он таким спокойным и будничным тоном, что мне срочно нужно начать о чем-то шутить и смеяться, чтобы не разрыдаться прямо ему в лицо.

И мы с ним начинаем веселиться и говорить, что ему нужно купить много новых модных шляп, чтобы скрыть лысину, которая появится от предстоящей химиотерапии, какие у него потом вырастут новые кудри и каким он от этого делается красавчиком.

Он похудел со 105 до 75 килограммов и даже почему-то стал короче на 2 сантиметра – до 183. Уши при этом сохранили свой размер и начали как-то по-особенному торчать в разные стороны. По вечерам папа садится и часами расклады-

вает пасьянс. Говорит, что сходится редко, а когда не сходится, он немного огорчается, поэтому я отбираю карты и раздаю в «дурака». И первые четыре кона незаметно поддаюсь. Рак съел одно легкое и добрался до второго, от этого зычный командирский голос пропал и говорить папа может только шепотом. Он радуется победам почти беззвучно, вскидывает руки вверх и подергивает плечами от избытка эмоций. Я помню, как раньше я пыталась его обхватить и звонко смеялась от того, что мне не хватало для этого рук. Я сейчас обнимаю его плечики, такие детские и хрупкие, и утешаю себя, что это просто я так сильно подросла. А он продолжает курить, уходя на балкон...

*

Папа вернулся из больницы после химиотерапии и смеется: «Представляешь, там мужики меряются, у кого рак больше! Вот придурки!».

*

Наконец после долгих попыток дозвонилась до папы. Ощущение, будто он теряет слух. Разговаривать с ним совсем тяжело. Я его не слышу, потому что у него почти пропал голос. Он меня не слышит, потому что не слышит, приходится кричать и повторять все по три раза.

– Папа, – говорю я как можно более радостным тоном, –

когда у тебя следующая химия?

– Эта химия – такая гадость, – вдруг заявляет он.

– Пап, надо бороться!

– Боремся-боремся, – шепчет папа, потом неожиданно прощается и кладет трубку.

Попросил вчера сестру купить ему две тельняшки. Обязательно в синюю полоску. Одну, говорит, сейчас буду носить, а во второй похороните. Сестра смеется: «Что, прямо в костюме и тельняшке?». А папа тихо хихикает в ответ: «Тельняшку под белую рубашку наденьте. А сверху костюм».

*

Я даже не знаю, то ли это текст переживаний о папе, то ли рассуждений о том, как много мы жалеем о том, что когда-то не использовали данную нам возможность... Такими тонкими крючочками всегда все связано.

По-моему, единственное, о чем папа всегда вспоминал и вспоминает до сих пор – это служба на флоте. Все байки у него оттуда. Все мечты. И только одно сожаление – что не остался.

Папа всегда был мужчиной видным, а коридор в квартире был таким узким, что мне до сих пор удивительно, как это он заканчивался дверью на кухню, а не канализационным люком. Иногда мы с папой пытались пройти одновременно по этому коридору и застревали. Это всегда приводило к лекции о том, что на корабле запрещено создавать подобныезаторы, потому что они могут приводить к гибели экипажа. Я стояла, припертая к стене папиным животом, выслушивала очередную историю из техники безопасности и без особого раздражения думала, что папа, вероятно, специально купил квартиру с такой странной планировкой и этим необъяснимым коридором – чтобы чувствовать себя как на кусочке корабля и следить за порядком на нем.

Фраза «Кто дежурный по камбузу?» всегда означала, что свалить по-быстрому с кухни после семейного обеда не удастся. И чего спрашивать, кто дежурный, если посуду по-любому мыть мне?

Макаронны по-флотски – это, конечно, фирменное блюдо папы. По-моему, там по рецепту полагалось обязательно добавлять какую-нибудь забавную историю про службу в ВМФ, иначе «макаронны по-флотски» рисковали превратиться в обычные «рожки с фаршем и морковью». Истории были не всегда аппетитные (а рассказывал папа всегда очень долго, нудно и с кучей красочных деталей). Например, о том,

как во время увольнительной они с сослуживцами нечаянно съели собаку. Или о том, что бывает, если ты не успеваешь застегнуть противогаз, когда рядом с тобой пускают ядовитый газ. Или каково дежурить всю ночь с автоматами по бортам, выслеживая водолазов с минами, после того, как кто-то подорвал соседний корабль.

В доме всегда должна быть плитка шоколада. Это традиция. Шоколад может съедаться просто так, без ничего. Папа говорил, на флоте им ежедневно выдавали по плитке шоколада, по баночке сгущенки и чего-то еще. «Все по 100 грамм!». Сгущенку съедали по утрам с пшенной кашей, а плитку шоколада брали с собой на вахту. Стоишь ночью в море, смотришь на звезды и жуешь шоколад...

Папе вот 63 года сейчас. За 63 года многое что случилось в его жизни. Он сейчас с трепетом перебирает все, что есть в его памяти, словно примеряет к себе сегодняшнему на предмет значимости воспоминаний. Столько баек о флоте, как сейчас, я не слышала от него никогда...

*

Про мечты.

«Мне бы до мая дожить, – говорит папа. – На рыбалку хочу съездить. Поймать три карася. Больше ловить и не стану.

А там можно и умирать».

*

Мама много и долго болела. Рядом с ее кроватью всегда была коллекция обезболивающих, без которых она не могла обойтись. Но не помогали и они – маму нельзя было крепко обнимать, иначе ей становилось нестерпимо больно. А мне так хотелось ее обнять...

Мама же больше всего хотела танцевать и смеяться. Смеяться – громко, долго, заливисто – у нее не получалось с 14 лет, после операции на легкие. Я всегда завидовала сестре, потому что она застала маму молодую, радостную, порхающую. Маленькую Лену мама брала на танцевальные вечера. Лена видела, как мама грациозно вальсирует весь вечер, светясь от счастья.

Когда мамы не стало, мне стала сниться она – с длинными волнистыми волосами, звонко смеясь, она танцевала среди других таких же счастливых людей. Я по-прежнему мечтала ее обнять, хотела кинуться к ней, прижаться наконец крепко... «Не мешай», – останавливал меня кто-то невидимый. И мне оставалось лишь смотреть на мамин вальс...

Каким теперь будет папа? Наверное, в следующий раз я увижу его капитаном военного корабля. Расхаживая по па-

лубе, он будет с довольной улыбкой поглаживать холодный металл: «Корабль 507. 40 метров в длину. Пушки двуствольные, из каждой – больше 1000 выстрелов в минуту. Эх, красавец ты мой!». Такой мой папа. Он теперь настоящий капитан.

Моя дочка говорит: «Когда дети вырастают, мамы и папы просто уходят». Боже, как хочется снова стать ребенком...

*

У меня, в принципе, всегда было какое-то странное стремление дать объяснение счастью. Вот что такое счастливый человек? И как понять, что жизнь удалась? А где скрыто настоящее удовольствие от жизни?

Говорят, счастливый человек никогда не остается один перед уходом в мир иной. И надо стараться, чтоб тебе потом несли стакан воды и что-то там еще. Но вот мама... Маме в последний день все надоели. И она просила никого не приходить. Устала от чужих рассказов. «Хочу подумать о себе,» – сказала мама.

И папа. Папа позвонил сестре и попросил ее не приезжать. И вообще отказался от встреч. Ему тоже хотелось побыть одному. И правда, довольно странно умирать, когда на тебя кто-то смотрит. Неуютно.

Зато мама и папа знали, чего они хотят там, потом. стакан воды им был не нужен. Мама просила туфли («чтобы танцевать»), а папе мы сегодня по его просьбе положили тельняшку. И показалось, что хорошо и правильно – это так. Когда ты наконец можешь в последний момент подумать только о себе и верить в то, что где-то в другом мире сбудется твоя главная мечта. Когда ты понимаешь свое последнее желание и знаешь, что его уважают и точно исполняют. Тогда жизнь продолжается. Счастливая жизнь.

*

Сестра рассказывает, будто первые 9 дней душу водят по раю, показывая ей там все. А потом 40 дней с такой же экскурсией ходят по аду.

Из чего мы сделали вывод, что рай, по сути, небольшой. Этакая блямба на карте, типа наших Мальдив. А ад – это как будто какая-нибудь... Великая держава с обширными и густо заселенными территориями.

Таки я не поняла. А что, можно выбирать?

*

В 2006 году я впервые вышла замуж. Готовиться к сва-

дье мне было особо некогда, ибо мы в это время как раз были увлечены стартом крупного проекта на работе. Так что всеми приготовлениями занимался тогда еще будущий муж, не подозревающий, что вскоре он станет будущим бывшим мужем и что так стараться вовсе необязательно.

Однако у меня было три пункта, которые обязательно нужно было проконтролировать самой.

Во-первых, платье. Платье на мне древнегреческим скульптуром высекала сестра. Оно должно было категорически сидеть по фигуре, и однажды я почти что упала в обморок от долгого неподвижного стояния, затянутая в корсет с торчащими из него иголками. Свадьба предполагалась первая, а платье на первую свадьбу должно было быть как у нормальной невесты – белое, с пышными юбками, кольцами под юбками, кружевами и слезами на подружкиных глазах.

Во-вторых, девичник. Про девичник я подробности писать не буду, ибо это вообще жесткий компромат. Более того, мы так раззадорились, что в течение девичника накомпromатили невероятное количество фотографий, после чего благополучно потеряли фотоаппарат со всеми снимками. Поэтому, если вы случайно видели в сети бесстыдные снимки с героинями, похожими на меня и моих подруг, я вынуждена признаться, да, это все мы. Чего уж тут скрывать.

В-третьих, танец невесты с отцом. У нас, конечно, был танец невесты с женихом, к которому мы долго готовились, разучивали, репетировали днями и ночами, понукаемые преподавателем и друзьями-танцорами. Ругались из-за этого с женихом – жуть! Ну никак из нас не выходило танцевальной пары... А танец с папой мы не репетировали вообще, и это меня ужасно нервировало. Поэтому сердце мое, затянутое в корсетные тиски, практически остановилось, когда зазвучала музыка, а мы с папой оказались вдвоем в центре зала.

Никогда в жизни у меня не было лучшего партнера... Когда я была маленькая, мы с папой танцевали довольно много. У нас дома устраивались танцевальные вечера: приглашались гости, ставились пластинки, выносились мебель из большой комнаты... Я вставала на папины ноги, и он галантно брал меня за ручку и аккуратно переступал в такт музыки. Вот и все. К тому моменту, как я выросла, танцы в доме прекратились...

«Их поколение умело танцевать, – говорит сестра. – Ведь тогда не было вот этого – встал в кружок, сумки на середину и колбасишься сам с собой. А современные мужчины – если не увлекаются танцами специально – считают это чем-то постыдным». Мы с ней по этому поводу очень грустим...

Папа вел спокойно, расслабленно и в то же время уверенно. Он был ко мне совсем близко и при этом его ботинок ни разу не коснулся подола моего длинного свадебного платья. Папа не танцевал уже много лет, а я чувствовала, как в руках умелого партнера становлюсь легкой, изящной, чувствующей ритм...

Мы танцевали под песню Розенбаума, которую он написал на свадьбу своей дочери, и все, конечно, плакали над словами. Очень трогательный момент...

Сегодня 9 дней...

*

Раньше, когда я путешествовала в другие страны, я отправляла маме открытку из-за границы. Из того места, где она никогда не бывала и, в связи с болезнью, уже никогда не смогла бы побывать. Открытка приходила, конечно, не скоро, к тому времени я уже успевала вернуться и, возможно, даже еще съездить в пару мест. Но мама ужасно радовалась этим открыткам, обычным картонным открыткам с красочными картинками и теплыми словами, приходящими в обычный темно-зеленый почтовый ящик в темном и вечно прохладном подъезде. Получив очередное послание, она в восторге тут же звонила мне.

Последним городом, где я побывала перед тем, как мамы не стало, был Париж. Мама всегда хотела в Париж, он был ее Большой Мечтой, почти как для папы – Его Море. Когда она сломала бедро и ей вставили металлические пластины, она очень переживала, что по дороге во французскую столицу у нее будут проблемы в аэропорту при прохождении металлоискателей. К тому времени мама практически уже не выбиралась за пределы своего района.

Я в особенном возбуждении подбирала для нее открытку из Франции. «Париж чудесен! Тебе здесь обязательно понравится!» – пообещала я ей в открытке. Я вернулась, прошло время, но мама ни слова не говорила о ней. Она вообще говорила мало и тяжело. Неужели еще не дошло? Когда мамы не стало, я нашла Парижскую открытку в бумагах рядом с маминой кроватью. Мне стало немного обидно – получила и не сказала, не обрадовалась. Ей было уже не до Парижа...

С тех пор я посетила еще немало стран и городов. Но теперь мне словно чего-то не хватает в путешествии. И лишь сейчас я поняла – недостает человека, которому можно отправить простую картонную открытку в обычный железный почтовый ящик...

Как-то недавно я вспоминала товарища моего Илюшина и нашу поездку в Геленджик. А дело было так.

Приближался мой день рождения. Вот прямо как сейчас. Тревожные дни. Это у меня с 13 лет – за несколько недель начинаешь думать, отмечать ли и как, кто поздравит, а кого проклинать, что подарят и не подерутся ли гости опять. Очень я боюсь разочарований в этот день.

Я шла по центральной пензенской Московской улице, внимательно смотрела под ноги и печально думала о ежегодном повторении одного и того же сценария в день рождения. Ужасно хотелось сбежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.